

Виктория Травская

Двадцать писем Фебу

#СетевойРоман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктория Травская
Двадцать писем Фебу

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Травская В.

Двадцать писем Фебу / В. Травская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга вся состоит из противоречий: хорошо забытое старое (роман в письмах) и современное (#сетевойроман), исповедальность и замкнутость, своё и чужое перемешаны в той мере и пропорции, которая позволяет сохранить инкогнито её героям, которые — все до единого — мои друзья. Я нашла их в Сети и благословляю каждый миг наших совместных досугов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Виктория Травская

Двадцать писем Фебу

Предисловие

«Двадцать писем Фебу» – #СетевойРоман: история сталкера, пустившегося в непредсказуемое и волнующее путешествие в пространстве духа и заблудившегося в Паутине. Преображение и обретение себя.

«Хроники Постмодерна» – серия миниатюр, созданных в разное время и по разным поводам и выходящих в авторском блоге на Фейсбуке. Тексты в живой и дерзкой манере обыгрывают разные стороны нашего бытия и оформлены в алфавитном порядке, как своего рода энциклопедия житейской мудрости.

20 ПИСЕМ ФЕБУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЛАСТЬ ЖЕЛАНИЙ

Предисловие.

Я решила нарушить молчание. Есть вещи, которые должны быть сказаны, потому что иначе они разрушат нас изнутри. Я веду непрерывные разговоры с тобой в сердце и мыслях, и до недавнего времени казалось, что смогу жить с этим, не обрушивая на тебя поток своего сознания. Так бы, наверное, и было, если бы в этом участвовало только сознание. Холодный рассудок!

Но нет: ты часть моего несбывшегося. Очень важная его часть. Ось. Ты думаешь, я глупышка, которая не знает, о чём говорит? – Все нет: я прекрасно понимаю, что наше Общее (прошлое? будущее? возможное?) не было бы усеяно розами. Жить с тобой – это жить с Демоном, с вечно мятущимся в поисках совершенства Люцифером, ангелом света, слишком яркого для созданного Богом Эдема.

Они думают, что Демон убил Тамару. Глупцы! – Он забрал её с собой, освободив от земной оболочки. Забрал её бессмертную душу, чтобы никогда не разлучаться, как ты забрал мою – но я жива! А может, мне это только кажется? Но нет, жива: я это чувствую по всегдашней раздвоенности моего бытия. Той самой, которую Грин называл параллелизмом...

Письмо 1. Разность потенциалов

Мысль гораздо просторнее реальности. Из этой разности потенциалов всё и рождается.

Ты спрашиваешь – почему? Этот же вопрос я задаю себе непрерывно вот уже почти год. Ничего не предвещало такого развития событий, и можно сколько угодно рассуждать о том, что случайностей не бывает и что случайность – это закономерность, предпосылки которой нам просто пока не известны, но это не снимает вопроса. Предпосылки неизвестны! Во всяком случае, я их не нахожу.

Мне всего хватало. Ну, почти. Но это «почти» – ровно та мера неудовлетворённости, которая служит отправной точкой любого движения. Моя жизнь была насыщена и интересна, и к тому моменту, о котором идёт речь, я наконец достигла равновесия между внутренним и внешним. Некоторые называют это мудростью, другие – зрелостью, но, как ни назови, это состояние не лишено своеобразной прелести. Оно напоминает долгий день, когда всё свершающееся идёт раз навсегда установленным порядком и ты чувствуешь себя хозяином ситуации, в моём случае – хозяйкой.

Вокруг могло происходить всё что угодно, но что бы там ни происходило, оно не лишало меня равновесия. Ведь, по-хорошему, наши радости и беды не во внешних обстоятельствах – они у нас в голове, и как относиться к тому или иному событию – вопрос нашего свободного выбора. Собственно, это единственный выбор, который оставляет тебе жизнь, так как всякий

прочий выбор она делает за тебя, перетасовывая события только ей известным способом. Но об этом дальше.

Итак, я наслаждалась жизнью. Я честно заработала это право. Иными словами, когда жизнь в избытке поставляла мне лимоны, то я делала из них лимонад, и когда моя потребность в лимонаде была удовлетворяема сверх всякой меры, то щедро одаривала им всех желающих. Никто не жаловался: сахара в моём лимонаде было достаточно. Как известно, с сахаром можно потреблять всё что угодно, а что нельзя с сахаром – можно съесть с солью. Эти «белые враги человечества» – на самом деле его лучшие друзья, если не использовать их в чистом виде. Сахар здесь, разумеется, не вещество, наполняющее сахарницы, а как раз та способность к счастью, которая вырабатывается по мере накопления опыта – как и соль не белый кристаллический порошок с характерным вкусом, но некоторая воля к действию, без которой жизнь становится пресной и теряет смысл. Соль земли¹.

Сначала это было как долгожданный подарок. Ты просыпаешься утром и, медленно приходя в сознание, вдруг вспоминаешь: что-то такое там лежит... Что-то приятное, восхитительное и – моё! Но постепенно счастье сделалось привычным. От этого оно не перестало быть счастьем, просто вошло в плоть и в кровь. Где-то я читала, что счастье – естественное состояние человека, что человек создан для счастья, а вовсе не для страданий в земной юдоли, как пытается нас в том убедить религия. Пожалуй, что так, хотя обыденность, *нормальность* этого состояния пока что является единственным моим аргументом. Жизнь первых людей в райских кущах до рокового плода с древа познания! Я практиковала счастье, как практикуют йогу или дзен – без всякого поклонения, но единственно образом жизни. Это не было похоже ни на анестезию, ни на эйфорию, ни на одно из прочих искусственных состояний притуплённой или обострённой чувствительности, за которые приходится расплачиваться потом жестокой абстиненцией – как теперь расплачиваешься ты, мой Падший Ангел. Все эти состояния не что иное как кредит под высокие проценты, когда за временное избавление от страданий рано или поздно приходится платить страданиями ещё более острыми – либо безумием. То, что я именую, за неимением лучшего, высокопарным до банальности словом «счастье» – нечто совсем иное.

Итак, оно не притупило чувств – даже напротив: сделало их более острыми, объёмными, полновесными. Но я перестала этого бояться. Это было как распахнуть окна, когда на улице бушует летняя гроза. Как выйти босиком в степь и ступать по траве, чувствуя кожей стоп все былинки и камешки. Как нырять с открытыми глазами. Как нарушить запрет и проникнуть в такое место, которое прежде могла только воображать с трусливым любопытством. Словом, это было захватывающее...

Я жила так уже несколько лет, ежедневно раздвигая плечами границы собственного пространства, и в своём тогдашнем упоении его эластичностью не допускала мысли, что могу ненароком вторгнуться в чьё-либо ещё. Я же расширяюсь *внутри*, в мой микрокосм, кому это может помешать?

Теперь, когда я в состоянии обдумать случившееся, оно кажется мне вполне закономерным. История Чайки Джонатан Ливингстон: количество непременно должно перейти в новое качество. Моя вселенная расширилась до пределов, за которыми лежит другая Вселенная. Но тогда это было неожиданно и довольно болезненно. То, что послужило толчком к этому переходу, имеет к нему столь же малое и опосредованное отношение, как пресловутый эффект бабочки. Бедняжка бабочка не знает и не может знать, что она запустила цепную реакцию, приведшую к таким грозным и необратимым последствиям. В них нет её непосредственной вины. «Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным» (А. Пуанкаре).

¹ Здесь и далее – см. ПРИМЕЧАНИЯ.

Ну, как-то так.

...Однажды в поисках какой-то персональной информации я забрела в соцсети. Скажу сразу: до этого времени я была последним человеком, который стал бы просиживать вечера напролёт в какой-нибудь из этих глобальных исповедален, выслушивая чужие истории и рассказывая собственные – или участвуя в избииении младенцев, имевших неосторожность посягнуть на чей-либо фетиш. Рай для антрополога! Гигантская, неисчерпаемая лаборатория, в изобилии поставляющая эмпирический материал. Жаль, что я не антрополог, это было бы захватывающе.

Я не была здесь новичком. Когда-то, едва Интернет стал всеобщим достоянием, я заплатила дань сетевому общению – впрочем, весьма умеренную. Эта забава быстро мне прискучила, едва только стало понятно, как мало шансов найти понимание у незнакомых людей. Как только твои реплики выходят за грань эмоциональных реакций – то есть простых междометий или смайлов – они превращаются в глухой забор, за которым каждый видит либо то, что он хочет видеть, либо то, чего боится, и моли Бога, чтобы это оказался всего лишь барашек.

Впрочем, это была неплохая практика по снятию розовых очков, за стёклами которых многие из нас проводят большую часть жизни. Но место в нашем сознании, освободившееся от иллюзий и заблуждений, никогда не остаётся пустым. Оно заполняется либо новыми иллюзиями и заблуждениями, либо знанием. Поразмыслив, я вспомнила про такую штуку, как синергетика – способность сложных систем к самоорганизации. То есть существует некий изначальный хаос, энтропия, в котором, методом проб и ошибок, складывается система, более или менее устойчивая модель, способная эволюционировать под воздействием меняющихся обстоятельств. Как и многое в человеческом мире, из хаоса наших отношений постепенно рождаются сообщества, с их гласными и негласными законами. Интернет не исключение: люди сбиваются в стаи, стаи – в популяции, и эти популяции призваны различными способами удовлетворять те запросы личности, которые остались нереализованными в мире обыденном.

Я не люблю слово «в реале», так как оно не вполне уместно: наша сетевая жизнь давно стала частью действительности. Причём зачастую более реальной, чем жизнь в мире физическом. Фраза «мысль материальна» давно превратилась в мем и никому уже не кажется парадоксом.

Итак, популяции. В Сети их, более или менее крупных, пять.

Первая – по времени моего с ней знакомства – объединяет людей в основной своей массе невинных, таких мечтателей-идеалистов, склонных к тихим семейным радостям. Они светло ностальгируют по ушедшей (уходящей) молодости, предаются сентиментальным общим воспоминаниям, гордо выкладывают результаты своего ремесла и не мудрствуют лукаво.

Вторая мне знакома более понаслышке – через молодёжь из ближайшего окружения. Наверное, поэтому она в массе оставляет впечатление подростковой неопределённости и избыточности во всём – в движениях, в разговорах и в эмоциях.

Третья популяция в этом смысле являет полную противоположность. Она удел людей состоявшихся, вполне определившихся и поэтому немногословных. Это сфера их публичности, в которой личное представлено только одной гранью, обращённой вовне и сверкающей отражённым светом, в то время как сама глыба кристалла, как и состав его вещества относятся к области догадок.

Наконец, четвёртая. Эта состоит из людей, отравленных интеллектом, а потому жёлчных. Они склонны к самоанализу и щедро наполняют виртуальное пространство плодами своих рефлексий. В комментариях беспощадны, питают стойкое отвращение к дуракам и невеждам и, хотя в основной массе позиционируют себя как людей культурных, но в глубине души уверены в непогрешимости собственных взглядов. Поэтому из их вежливых реплик часто торчат рога снобизма, более или менее длинные. Но, в общем, это бедолаги, чьи многие знания таки родили скорби – иными словами, *горе от ума*.

О пятой упоминаю только ради полноты картины. Её можно назвать вселенским фотоальбомом, и она представляет чисто коммерческий интерес. Это ярмарка тщеславия в её высшем выражении.

Несложная дедуция даст вывод, что пути Господни привели меня... правильно, в четвёртую по счёту популяцию. Там-то всё и произошло. Или не произошло: смотря по тому, что считать собственно событием.

Письмо 2. Обитель мизантропов

Коготок увяз – всей птичке пропасть: заглянула по делу, но не удержалась от искушения оставить комментарий под чем-то, что мимоходом заинтересовало. Я бы и не вспомнила об этом, если бы наутро, просматривая почту, не обнаружила уведомление, что некто на мой комментарий ответил. Всё! «Меня засосала опасная тряпина...». Сам знаешь: стоит заявить о своём существовании, как в меню твоей страницы появляются сообщения о разных сообщениях, которые могут тебя заинтересовать. Ты осматриваешься, что-то читаешь. Потом читаешь то, что пишут под этим чем-то, вставляешь свои пять копеек, десять, наконец, свой рубль – и пошла писать губерния! Вдруг обнаруживаются общие интересы, нечувствительным образом вы переходите *в личку*, срабатывает эффект случайного попутчика, который интересен тем, что ты его совершенно не знаешь и, скорее всего, никогда не увидишь. Вы оба вываливаете друг на друга свою жизнь – пустяковыми фактами, полупризнаниями и целыми исповедями – и спустя непродолжительное время вы уже *друзья*. Словом, всё как в жизни.

Хотя почему «как»? Жизнь она и есть! В конце концов, мне не известно ни одного случая, чтобы кто-то писал в соцсети посмертно. Хотя и здесь люди так же умирают, и мы иногда об этом узнаём, а иногда нет. Иные просто уходят, наскучив тщетой своих попыток добиться того, ради чего они сюда пришли. Ведь, так или иначе, сюда попадают с какой-то целью, не всегда определённой. Даже если ты просто шёл мимо и заглянул из любопытства, оно может заставить тебя вернуться, а интерес обнаруживается уже потом. Кто-то и не осознаёт своего интереса, кто-то лукавит с самим собой, говоря себе, что надо, мол, убить время, почему бы и не здесь? – Шитое белыми нитками враньё! Ничего всем нам так остро не хватает сегодня, как именно времени, и убивать его – последнее дело. Но не признаваться же себе в том, что тебя привело сюда мучительное одиночество, или непонимание, или жажда власти, или тщеславие, или... да мало ли что! В конце концов, поиски очередной жертвы твоего коварства, потому что в твоём ближайшем окружении все уже знают тебя как облупленного, и только в этом виртуальном пространстве у тебя ещё остаётся надежда, скрывшись за маской интригующего ника и аватара, урвать своё.

Но, справедливости ради, таких здесь немного – как и в мире физическом. Своих групп мерзавцы не образуют – по крайней мере, мне о них ничего не известно. Группы алкоголиков, к примеру, есть, знаю от тебя, но чтобы группы мошенников? Сомневаюсь. Эти работают в одиночку и пасутся среди нас, обычных фраеров и лохушек – мы их кормовая база.

Как бы там ни было, в Сети предпочитаю общаться с людьми, зарегистрированными под собственным именем – а это обычно легко проверить – и с собственной же физиономией на аватарке. Ну, если и не с собственной (далеко не всем нравятся собственные лица), то выбранной достаточно остроумно и/или невинно: всякие там зверушки-цветочки и герои кинематографа иногда способны сказать о человеке больше, чем собственное изображение. Взять хоть меня. Камера меня терпеть не может, и в достопамятные времена, когда фото на документы ещё не делались в присутствии заказчика и не *фотошопились* на компьютере, придя за заказом, я находила себя в пачке таких же безликих оттисков исключительно по одежде – лишь бы вспомнить, в чём снималась. Теперь камера у каждого в кармане, и с расстояния вытянутой руки можно получить условно адекватное своё изображение. Говорю «условно», потому что себя мы видим всё же иначе, нежели окружающие. По крайней мере, мои знакомые умоляют меня не постить селфи, утверждая, что на них я выгляжу как после продолжительного

запой, а мой собственный ребёнок оставил под одним из моих фото комментариев следующего содержания: «Женщина с тяжёлой судьбой. Задержанная в супермаркете за кражу коньяка и колбасной нарезки».

Ну, как бы там ни было, что есть, то и есть. Мне уже не шестнадцать лет, и в соцсети я прихожу не кавалеров клеить. Зато у меня всё своё – лицо, волосы, зубы и мысли! Так что, если кто-то даже и прилипнет, кто не спрятался – я не виновата. Расстояние и отсутствие взаимных обязательств делают этот флирт столь же безопасным, как секс по телефону, и даже более чем. Так мне казалось.

Не знаю, как оказался здесь ты, но то место, в которое мы с тобой угодили, расположенное на загадочном сервере бог весть в какой стране, в сущности, не что иное, как рай для мизантропов, в который можно попасть ещё при жизни. Люди деликатные предпочитают называть нас интровертами, и они правы: термин свободен от оценки, как положительной, так и отрицательной, и подразумевает констатацию того медицинского факта, что уж простите, кто каким родился. Мы и так в реальном мире жёстко дискриминированы, хотя толерантное общество, по разным данным процентов на восемьдесят состоящее из «экстра», стыдливо замалчивает эту позорную проблему, предпочитая нас не замечать в упор. Поэтому мы устраиваемся как можем – например, уходим в виртуальное пространство.

Некоторые из нас неплохо приспособились и в реале. Помнишь Лену? Не можешь не помнить! Это под её язвительным комментарием ты оставил реплику, которую я с тех пор внесла в свой цитатник: «Мадам, давайте сделаем вид, что вы этого не писали, а я не читал!». Этот язычок, острый, как *жало мудрыя змеи*, не в пример многим записным острословам, служит орудием незаурядного ума, настолько тонкого, что собеседники *ведутся* на её нарочито корявый олбанский, даже не замечая всего комизма диалога: она играет с ними в поддавки, пока клиент не обнаружит на себе дурацкий колпак. Тогда, взбешённый, бедолага обрушивается на неё более или менее пристойные филиппики, но ей уже игра прискучила, и она была такова... Так вот, Лена любит цитировать фразу из эпизода про корову в самолёте: жить захочешь – ещё и не так раскорячишься. Святая правда! К примеру, я волевым усилием выработала в себе необходимые коммуникативные навыки и даже отточила их до такой степени, что легко схожу за экстраверта. По крайней мере, мне удаётся довольно успешно дурачить моих коллег и знакомых, считающих меня душой компании. Было время, когда, упоённая собственным успехом, я было решила, что ею (душой компании) и стала. Но, когда я заявила об этом учёной коллеге-психологине, она саркастически на меня поглядела и сказала, что это невозможно: тип нервной деятельности изменению не поддаётся. От иллюзий на собственный счёт меня избавил единственный её вопрос: как я предпочитаю проводить свободное время?

Словом, рискну предположить, что популяция, к которой я прибилась, состоит главным образом из людей, испытывающих проблемы с общепринятыми способами коммуникации. В силу этой самой специфики нервной деятельности, которая экстравертному большинству так же непонятна, как натуралам – пристрастие к особям своего пола. На твой счёт я, впрочем, не уверена, ты тоже выглядишь вполне себе коммуникабельным, но здесь как с языком: можно сколь угодно свободно изъясняться на разных, однако родным будет тот, на котором думаешь. На каком ты думаешь? Когда ты более настоящий – когда искромётно балагуришь с сетевыми собеседниками или глубокомысленно молчишь со мной?

Что до меня, то я устрица, законченный социофоб и охлофоб, и в общении мне, как маргиналу, принципиально важны пути отхода. То есть возможность быстро и незаметно удалиться.

Экстравертам непонятно в нас всё. Почему мы не любим ходить в гости и принимать гостей. Как мы можем находиться столько времени в одиночестве, не испытывая при этом ни малейшего дискомфорта. И не просто в одиночестве, а ещё и – о ужас! – в тишине. Как можно находиться в помещении, где не играет постоянно какая-нибудь забойная музыка или,

на худой конец, не бубнит телевизор. Что можно делать дома столько времени?! Попробуй запереть в четырёх стенах экстраверта – он либо тотчас схватится за телефон и примется искать свободные уши, либо завалится спать.

Мир, в котором мы живём, потому и называется безумным, что он заточен под этих доминирующих в нём сумасшедших: здесь постоянно что-то должно грохотать! Возьми хотя бы то, что эти люди называют «местами отдыха». Пляжи, пансионаты, фитнес-центры, парки, детские площадки непременно оснащены динамиками, из которых в режиме нон-стоп транслируется попса разной степени качества, и хорошо ещё если не шансон. А если ты упорно отказываешься «веселиться», назойливые аниматоры в чудовищных костюмах посягают на последние остатки твоей автономности, втягивая тебя в массовые игры и состязания. Но даже когда тебе удастся найти уединённый уголок и устроиться там с книжкой, будь готов к тому, что тебя и там найдут неугомонные любители общения: им, видите ли, кажется, что ты скучаешь! Потому что как можно не заскучать в одиночку?!

Словом, *на море* я уже давно не езжу. Тебе, живущему у моря, этого не понять, и если это кажется тебе ненормальным, отвези меня в тихий и уютный сумасшедший дом! Впрочем, кому, как не тебе, знать, что жить у моря и отдыхать у моря – это, как говорят в твоих краях, *две большие разницы*.

Письмо 3. Практика социального дарвинизма

Как известно, выживает не самый сильный и не самый умный, но тот, кто сумел приспособиться. Помещённые в изначально враждебную среду, мы вынуждены постоянно оттачивать этот навык, так как он является нашим единственным эволюционным преимуществом. Мы – евреи мира оголтелых экстравертов, изначально виноватые во всех его бедах. А потому что подозрительные! Подозрительно умные, подозрительно скрытные и бог весть чем там занимающиеся в собственных раковинках, в которые запираемся при малейшем шуме.

Ну, а чего они хотели? Изгнав нас – этим назойливым шумом и бестолковым мельтешением – на периферию социума, они сами создали условия для нашей автономности. Изо дня в день мы честно отработываем своё в их египетском рабстве и честно заслуживаем право вернуться в свою землю обетованную. А когда они этому препятствуют, мы насылаем на них казни египетские нашего собственного изобретения, чего они, с их поверхностностью, даже не понимают – точнее, в любой из этих казней прежде всего видят источник наживы и спешат это продать. Потом, когда наши изобретения завладевают ими и жизнь перестаёт быть предсказуемой, некоторые из них, как обычно, пытаются искать крайнего, а таковым всегда является изобретатель – если у них хватает терпения отмотать цепочку причин и следствий к самому её началу (обычно оно, терпение то есть, заканчивается где-то посередине списка, и виновными назначаются какие-нибудь промежуточные исполнители, допустившие косяк в процессе производства или распространения *продукта*). К нашему счастью, они обычно отмахиваются от того очевидного для нас факта, что все, подчеркну это: *все!* – изобретения начинают свой путь в тиши кабинетов и лабораторий как результат раздумий тех самых презренных одиночек и чудаков, над которыми у них принято снисходительно посмеиваться. Но им, как всегда, некогда доискиваться причин. Они слишком заняты, «раскручивая» то или иное наше открытие. Впрочем, и здесь им не хватает терпения, так что большинство наших открытий ждёт стандартная судьба быть использованными процентов на десять. Они находят применение самым очевидным опциям – тем, которым обеспечен быстрый коммерческий успех – и предсказуемо пренебрегают остальными. Это их и спасает – как правило. По крайней мере, отсрочивает наступление расплаты на неопределённо долгое время.

О, наши Капитаны Очевидности, благословенна ваша незатейливость! Потому что в тех редких случаях, когда изобретение было доведено до логического итога, последствия оказывались катастрофическими. Атомная энергия тому примером. Кто-то в нашем сообществе поделился наблюдением: академик Сахаров получил Нобелевскую премию мира – человек, изоб-

ретший водородную бомбу, получил премию мира от человека, изобретшего динамит! В самом деле, дьявольская ирония. Здесь надо заметить, что обычно мы не ставим себе задачу уничтожения цивилизации – мы же не самоубийцы. Просто наши открытия, попадая в руки тех, кто не утруждает себя до конца прочесть инструкцию, могут быть опасны. Это те же спички, которые изобрели уж точно не для того, чтобы устраивать пожары. Ан нет: стоит им попасть в руки неугомонной детворы – и готово! Спички детям не игрушка – точно так же и со всем остальным.

«Сынок, ты должен быть умнее всех, потому что ты еврей!» Эти родители знали, что говорят – испытали на собственной шкуре. Инстинкт самосохранения вынуждает животных испытывать иррациональный страх перед всем, чего они не в состоянии себе объяснить. Даже поведение особи одного с нами вида, если оно отклоняется от среднестатистической нормы, вызывает у остальных защитную реакцию в виде агрессии. Они сбиваются в стаю, чтобы гарантированно одолеть того, кто, *предположительно*, несёт угрозу. Поэтому в любом человеческом сообществе к той особи, которая осмеливается жить по каким-то иным, неведомым для остальных законам, применяются заведомо более жёсткие требования – навязшие в зубах двойные стандарты. Ты можешь быть не Бог весть каким учеником или студентом, но если ты предскажем, то остальные закроют глаза на твои очевидные огрехи, для них ты свой. И наоборот: если тебе хватает дерзости игнорировать навязанную тебе систему отношений как неподходящую, тесную для твоих возможностей – ты враг, и тебе надо обрубить голову или ноги, чтобы втиснуть в пределы общественно одобряемого поведения. Голову или ноги: лишить жизни или обездвигить. Так работает прокрустово ложе общественного одобрения и порицания.

Мы одиночки. Но мы никому не хотим зла – чаще всего, напротив. Просто наш *modus operandi*, наш алгоритм иной, нежели тот, к которому все привыкли. Ведь, в сущности, норма – не что иное, как социальная привычка. Любая привычка – производное от лениности ума, не желающего причинять себе беспокойство поиском иных решений уже однажды решённой задачи. И правда, зачем? Норма – это горизонт посредственности. Ей неведомо, что способов решения может быть множество и что эти способы сами по себе суть задачи. Что от того, какой из способов решения мы выберем, дальнейшее зависит в меньшей степени, чем от самого результата. Потому что результат – это не только количество. Это не окончательный итог, а только промежуточный финиш в непрерывной цепи событий.

Мы одиночки. Нам необходим простор – ментальный полигон, чтобы выстраивать и испытывать новые алгоритмы, отдельные из которых, наиболее жизнеспособные, потом пробьют себе дорогу к остальным. Эти наши усилия неочевидны, причём зачастую неочевидны для нас же самих. Во всяком случае, мы их не всегда вербализуем, не заключаем в рамку слов. Чаще всего они живут в нас в виде ощущений, потребностей, слишком сложных, чтобы быть облечёнными в слова. Но они есть. От них захватывает дух. Мы не сумасшедшие – напротив, мы абсолютно рациональны. И только усилия самодовлеющего большинства привязать нас к колышку на общечеловеческом пастбище превращают нас в безумцев. «Зачем, зачем вы меня лечили? Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг – всё это в конце концов доведет меня до идиотизма. Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить... О, как вы жестоко поступили со мной! Я видел галлюцинации, но кому это мешало? Я спрашиваю: кому это мешало?»

Мы одиночки. Мы никогда не сбиваемся в стаи. Единственная приемлемая для нас стая – Всемирная Паутина, хвала Цукербергу или кто там изобрёл эту потрясающую штуку! Вот она-то как раз для нас. Только здесь, не рискуя своим личным пространством, мы можем встретиться и поговорить. Проблема в том, что нам редко, крайне редко удаётся договориться. Мы способны спорить до хрипоты, или жёлчно высмеивать оппонента, или не менее жёлчно мол-

чать, и это молчание способен ощутить только тот наш визави, который сам познал усилия одинокого разума. Повторю: мы рациональны, порой безжалостно логичны. Но это не отменяет чувства, а только усиливает его, канализует. Наш разум – тот канал, то русло, в которое мы направляем свои чувства: подобно дождевой воде, которая, если она равномерно распределена по большой поверхности, не несёт в себе никакой угрозы – и только собранная в единый поток приобретает мощную кинетическую энергию, способную разрушать или вращать турбины электростанций. Собранные в единый поток, наши чувства сильны и порой разрушительны, но главным образом для нас самих и только в том случае, когда, в силу обстоятельств, не находят выхода.

Мы одиночки, сверхзадача которых – производство идей. Идея – то, что нельзя увидеть или потрогать, она – программное обеспечение человечества и, как любое программное обеспечение, материализуется только в конечном результате. Иначе говоря, идея – это канализованная мысль. Сплавленная с чувством, заряженная волей. Она не бросается в глаза, как не видны усилия мысли инженеров, конструкторов, программистов. Большинство видит только дома, мосты, дороги, всевозможные механизмы и электронные устройства. Для большинства мы вполне безобидные чудаки, которых оно, большинство, предпочитает держать в узде общественной нормы – и ведь думает, что держит! Но пускай себе думает. Пока общество уверено в своей власти над нами, мы свободны.

Мы одиночки, и мы – нейронная сеть этого мира. Постоянно пульсирующая нейронная сеть. Мы не стремимся к мировому господству – избави нас от этого Бог. Мировое господство – это бремя, непосильное даже для Создателя, судя по результатам Истории. Трудно сказать, был ли допущен просчёт в исходной программе или всё так и было задумано. Возможно, множественность предоставляемого нам выбора – которую обычно именуют свободой – как раз тот самый тест, в результате которого отсеиваются индивиды, непригодные для определённой нам цели. Отработанный человеческий материал, который поступает в переплавку цепи рождений, чтобы в следующих поколениях, скорректировав гены, попробовать ещё раз.

Во всём остальном мы разные – несмотря на то, что в глазах коммуникабельного большинства мы, как монголоиды в глазах европейца, на одно лицо. Даже так: мы являем миру гораздо большее разнообразие человеческих типов, чем остальные условные восемьдесят процентов. Экстраверты подобны гальке на морском берегу, камешки которой, постоянно трутся друг о друга, делаются в результате почти неразличимыми. Мы же – самородки, таящиеся под землёй, с острыми, необточенными гранями, сложной и неправильной формы. Когда обществу удаётся извлечь нас на поверхность, оно изо всех сил старается нас отшлифовать, и иногда ему это удаётся, а иногда нет. В моём случае обществу это удалось. Почти. Во всяком случае, снаружи я довольно гладко отёсана. Но, как бы я ни сверкала разными гранями личности, всё это не более чем эффекты освещения: вещество моего камня осталось неизменным.

Итак, мы очень разные. Иногда слишком. И тут я вплотную приближаюсь к тому, о чём собираюсь тебе рассказать. Но, подойдя к этому вплотную, всё же останавливаюсь: мне страшно. И страшно больно – до сих пор.

Письмо 4. То-Чаво-Не-Может-Быть

Исхитрись-ка мне добыть

То-Чаво-Не-Может-Быть!

Запиши себе названье,

Чтобы в спешке не забыть!

(Л. Филатов, «Сказ про Федота-стрельца...»)

Но сначала была война. Ну, как, война – заварушка: несколько дам разной степени свежести ненароком прищемили эго некоему Нарциссу, по недоразумению поставленному модератором в одной из групп. Нарцисс проходил у нас под кодовым названием Кепка – по его

аватарке, на которой он был запечатлён в образе интеллигента-нонконформиста типа «я сам по себе». Кепка заявил о своих правах тем, что потребовал удалить цитату из «Гамлета», которая почему-то показалась ему не соответствующей тематике группы. Недоумевая, пост я всё же удалила, а из трэпа в комментариях узнала, что не единственная стала жертвой новоявленного цензора. С завидным упорством он зачищал всё сколько-нибудь интересное, не трогая только посредственностей с их публикациями в жанре районной малотиражки, на фоне которых его малограмотные апокрифы (цветистые и щедро сдобренные автобиографическими моментами) казались неискущённой публике едва ли не откровениями, и у Кепки даже появились фанаты. Ну, дело вкуса – нравится и нравится. Наше дело сторона. Однако Кепка не удовольствовался рукоплесканиями сетевой черни. Ему требовалось безоговорочное признание всего личного состава.

В один из летних дней мы, как обычно, резвились на солнышке, оттачивая остроумие под картинкой с изображением двух морковок. Одна из них представляла собой сидящий в земле солидный корнеплод со скромным хвостиком зелени над поверхностью; другая же, напротив, была оснащена пышным кустом зелени, но сам корешок оказался крохотным – аналогия прозрачная и довольно едкая. Пост состоял только из этой картинки, к которой не прилагалось ни текста, ни даже заголовка. Не подозревая подвоха, я присоединилась к диалогу под ней. Как это часто бывает, мы ни в чём себе не отказывали и довольно скоро дошли до анатомических пассажей, не имея в виду никого конкретно – просто высмеивая владельцев пышной зелени, довольно слабо укоренённой в жирном чернозёме мысли. И тут на воре загорелась шапка – а точнее, кепка: её владелец разбрал нас на чём свет, причём в довольно циничной форме, и пригрозил изгнать из обеих групп, за которыми был поставлен присматривать. Так все желающие получили возможность убедиться, что с корешком у Кепки не очень. Хвастаться особо нечем. Мы подозревали об этом и раньше, но теперь ни у кого не осталось сомнений: король таки голый!

Не стану приводить эту курьёзную историю целиком – право, она того не стоит, да и ты, наверное, помнишь: мелкий тиран нашими объединёнными усилиями был свергнут и изгнан за пределы сетевого отечества, а я обрела несколько интересных виртуальных друзей, включая тебя, и парочку недоброжелателей (куда же без них!). Но самое главное, я создала собственную группу – чтобы оградить моё сетевое общение от прихоти очередного мелкого самодура.

Вот тогда-то и возник Лев.

Я написала эту фразу и остановилась. Сидела и смотрела, как на экране монитора смеяются друг друга картинка этого, в общем-то, непродолжительного шторма, так круто всё изменившегося. За окном уже начало светать, а мои неугомонные соседи вымыли посуду и наконец-то отправились спать, когда я сварила себе свежего кофе, собрала волосы в резинку и продолжила.

Чем рискует человек, пустившийся в плавание по океану чужих мыслей, эмоций, страстей и страстишек, пороков и комплексов, порывов и вдохновений, etc.? Всё зависит от меры его доверия – той меры, на которую он *сам обманываться рад*. Можно, конечно, и не обманываться, теша себя наивным убеждением, что тебе-то уж всё про всех понятно – но и это иллюзия! Причём иллюзия опасная, потому что в этом случае ты вынужден, не располагая объективной информацией, судить по себе. И тогда берегись: все твои черты, не сдерживаемые более соображениями приличия, вылезут из своих тёмных углов и набросятся на тебя же.

И потом, если ты не принимаешь правила игры, закономерен вопрос: тогда зачем ты здесь? Прими условность происходящего! Как в театре или в кино, где ты следишь не за игрой актёров, а за событиями этого действия и переживаниями его героев как настоящих. И тот факт, что это актёры, люди, живущие обыкновенной жизнью, о которой тебе известны десятки пикантных или банальных подробностей, красивых или гнусных эпизодов – всё это не мешает тебе наслаждаться зрелищем, разворачивающимся на твоих глазах. Некоторые из этих сюжетов абсолютно фантастичны, и мы знаем, что этого не могло быть в реальности, но и это не

способно лишить нас удовольствия. Даже напротив: невозможность истории делает наши переживания наиболее острыми, насыщенными, полновесными. Миллионы взрослых, прекрасно образованных и уже достаточно циничных людей по всему миру упиваются сагами Толкиена, или «Звёздными войнами», или «Войной престолов» и другими не менее фантастичными повествованиями. Почему? – не спрашивай! Большинство наверняка даст какой-нибудь мудрёный ответ, позволяющий сохранить лицо. Что-то вроде того, что они изучают архетипы, или структуру нарратива, или наблюдают эволюцию режиссёра, или ищут параллели с современными событиями, или ещё какую-нибудь похожую чушь. Враньё! Это доставляет им удовольствие – потому что они приняли условность искусства и эта история стала для них такой же реальностью, как их собственная жизнь. Витгенштейн считал, что всё, о чем мы в состоянии подумать, может существовать.

Итак, Лев. Сначала он мелькал в густых зарослях нескончаемых словесных джунглей, изредка вставляя короткие и сдержанные реплики, и обращал на себя внимание разве что этой сдержанностью. Интеллигентные и хорошо воспитанные люди вообще малозаметны, так как в силу свойственного им такта не раздражают ваших нервных окончаний. Вежливость делает тебя невидимкой.

Вот и Лев: ступая осторожно и бесшумно, он был замечен только тогда, когда приблизился вплотную. На этот раз он оставил более развёрнутую реплику, которая показалась мне интересной. По крайней мере, она содержала некоторую деталь личного характера. Мысленно я поставила на полях восклицательный знак и перевернула страницу, но с этого момента стала к нему присматриваться. Он публиковал небольшие отрывки, которые иногда казались мне интересными, а иногда нет. Словом, история не новая – я бы даже сказала, архетипическая:

Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен...

Но, поскольку я всё же не Татьяна – по крайней мере, не шестнадцатилетняя (или сколько ей там было?) Татьяна – то драма была разыграна в обратной хронологии, то есть с конца, и обернулась фарсом: всё началось с попытки понять и завершилось суровой отповедью «Онегина», а не наоборот. Но, когда ты прочтёшь эту историю – если мне достанет мужества её дописать, а тебе терпения прочесть – ты, возможно, как и некоторые из моих подруг, решишь, что «очень мило поступил С печальной Таней наш приятель».

Счастье, что этих слов не увидит Ёжь: уж она бы оттопталась по мне! Большая удача, что я как автор не в её вкусе – любые рефлексии и ветвистые сюжеты она считает непростительной графоманией. Мы с ней сошлись, волна и камень, а если точнее – волна и волна, на почве безудержного веселья под чем-то разухабистым – кажется, под одной из картин Инге Лёк. Да, точно! Теперь припоминаю: это были две старушки, весело распивающие вино в ветвях дерева. Как обычно водится в таких случаях, сначала нашлось много общего – различия, и существенные, обозначились потом. Впрочем, это нам не мешает. Хотя иногда бесит обеих, и мы можем даже, после очередной стычки, несколько дней не разговаривать. По зрелом размышлении следует признать: это вносит приятное разнообразие в наши сетевые будни. Как раз после очередной такой стычки я наградила её прозвищем Ёжь, и надо отдать ей справедливость, она не возражала.

Ёжь ехидно посмеивается над моей слабостью к Татьяне, и можно не сомневаться, что меня не спасла бы даже её собственная нежная любовь к нашему национальному гению. Но так как она едва ли станет это читать, то я могу ни в чём себе не отказывать. Впрочем, относительно Льва она не в курсе – по крайней мере, я с ней эту тему не обсуждала. Она весьма неглупа, и если даже о чём-то догадывается, то помалкивает. *В отношении отношений* Ёжь сурова. Подозреваю, что эта суровость по большей части напускная и вторичная, род камуфляжной амуниции, под которой скрывается натура слишком ранимая и тонкая, чтобы позво-

лить кому бы то ни было касаться себя грубыми пальцами. Но я это уважаю и потому туда не лезу, считая за правило не приставать к человеку с расспросами: если найдёт нужным, расскажет сам – и только то, что сочтёт нужным. «Не смейте меня интерпретировать!» – взрывается она, когда я или кто-то другой пытается найти объяснения её поступкам сообразно логике или собственным представлениям.

На днях Ёж сказала: любовь – всегда платоническая, всё остальное – похоть. Несмотря на то, что ей вообще свойственны упрощения, я на этот раз задумалась. Эта правда очень похожа на истину, но если так, то как назвать то, что я чувствую ко Льву?

Лев овладевал мною тонко и незаметно, и я поняла, что произошло, только тогда, когда его клыки вонзились мне в горло. Поставив точку в очередном нашем с ним диалоге, я испытала инсайт. Впрочем, эти шесть букв не в силах передать того, что произошло – это даже не бледная тень, это Хиросима на глобусе. Маленькая точка огромной трагедии. Именно так. Теперь можно смеяться.

Мы уже какое-то время переписывались, и на этот раз всё началось, кажется, с хокку. Или танка. Словом, жители злосчастной Хиросимы развешивали на верёвке выстиранные портки, или потрошили рыбу, или сплетничали, когда... Оглушённая, смотрела я на монитор, в котором только что закрылось окно мессенджера. Мир вокруг меня беззвучно рушился – мой привычный мир, разношенный по ноге, лёгкий и удобный. Иногда утомительный и стесняющий, но достаточно было, уходя в себя, скинуть его на пороге, чтобы испытать облегчение. Наутро, возвращаясь к своим повседневным трудам, я с лёгкостью погружала ступни в колодку правил и обязанностей, привыкнув не чувствовать их тесной оболочки. Почти. Даже получать от этого извращённое удовольствие, знакомое любой женщине, любящей изящную обувь: можно провести целый день, семена на пальцах в узких туфлях на высоченном каблуке, если тебя поддерживает анестезия восхищения и зависти. Но не на этот раз. Мир распался на моих глазах, и я не представляла, что с этим делать. Как с этим жить. Как жить *без* всего этого!

Это было, наверное, похоже на затяжной прыжок, когда ты не уверена, что парашют раскроется, – эйфория и ужас в равных долях, усиливающие друг друга до непереносимости, до смертного спазма в горле. Ты понимаешь, что падаешь, что жить тебе осталось – сколько там, квадратный корень двойной высоты падения, делённой на ускорение? – но ты летишь!

«Этого не может быть!» – кричал мой Внутренний Голос. Кстати, почему внутренний? Тебе не кажется, что в этом названии содержится грандиозный подвох? Если проанализировать реплики того, что мы называем внутренним голосом, то выяснится, что ничто – ещё раз и крупно: НИЧТО – из того, что он произносит, не является *нашим* убеждением. Как правило, мы убеждены как раз в обратном. Все реплики этого негодяя, по сути, не что иное, как пресловутый *здравый смысл* – навязанное нам *извне* представление о правильном и неправильном. Так называемый «внутренний голос» – это сторож брату своему, это злосчастный Каин, убивающий нас из зависти – нас, чей дар оказался милее Господу. Всякий раз, когда мы готовы сделать нечто, к чему испытываем призвание, он становится на пороге и, раскинув руки, принимается увещевать нас, повторяя свои пошлые сентенции. *Не сходи с ума. Ты потом об этом пожалеешь. Давай взвесим все «за» и «против»...* И стоит тебе вступить с ним в перепалку, как твоё дело заведомо проиграно, потому что так называемый Внутренний Голос – на самом деле общественный цензор, сидящий внутри твоего собственного сознания, ловкий и опытный манипулятор, снабжённый ещё и тем преимуществом, что он тебя знает, а ты его нет. Чтобы сбить тебя с толку и усыпить бдительность, его снабдили фальшивой легендой и столь же фальшивыми документами, по которым он проходит как «Внутренний Голос» или «Здравый Смысл», и забросили этого диверсанта вглубь твоего мира.

«Этого не может быть!» – вопил в моей голове этот «Внутренний Голос», и это был единственный отчётливый звук, который я слышала. Всего несколько дней назад я бы с ним согласилась, смеялась. Я была уверена, что оставила все свои страсти в прошлом, что моё внутреннее

наконец-то пришло в равновесие с внешним и что это равновесие непоколебимо. Мысль о том, что это равновесие смерти, не приходила мне в голову.

Письмо 5. Никогда

Ты, вероятно, помнишь вынесенную эпиграфом к одной из серий «Войны и мира» Бондарчука цитату из Толстого: «Все мысли, которые имеют огромные последствия, – всегда просты». Это верно. Банальность – отлитая в слове очевидность. Она уже всем осточертела, навязла в ушах и набила мозоли именно потому, что имеет непререкаемую силу закона. То есть действует всегда и всюду при определённых условиях. Всякая расхожая мудрость, будь то афоризм или пословица, не что иное как банальность. Но банальность – палка о двух концах: после того как некто зафиксировал, в ёмком и приёместом слове, некую закономерность, она начинает жить собственной жизнью, порождая ожидаемые последствия даже там и тогда, где и когда они вовсе не были абсолютно предопределены. Ты можешь не вспомнить фразу, которая вынуждает тебя поступить определённым образом, но этого и не требуется: она уже содержится в твоей программе – та самая пресловутая матрица, согласно которой мы совершаем бóльшую часть своих поступков.

И чем банальнее максима, тем с большей вероятностью она определяет наши поступки. «Инициатива наказуема». «Благими намерениями вымощена дорога в ад». «Никогда не говори *никогда*»... Вот хотя бы относительно последнего. В юности мы, со свойственным возрасту максимализмом, составляем для себя более или менее длинные списки – того, что собираемся сделать непременно, и того, чего не совершим ни в коем случае. Пишем ли мы их в тетрадке или только в собственной голове, не имеет значения, потому что в обоих случаях их постигает одна и та же судьба: с возрастом оба списка становятся всё короче. Один за другим мы вычёркиваем пункты из нашего плана – иные из них могут быть даже выполнены, но таких не бывает много. Остальные утрачивают актуальность по разным причинам: чего-то больше не хочется, что-то оказалось (или показалось) невыполнимым. Кроме того, мы суеверно перестаём планировать далее, чем на один день вперёд, памятуя о судьбе наших предыдущих планов.

То же самое со вторым списком. О себе могу сказать: значительная часть того, относительно чего я была уверена, что уж со мной-то этого точно не произойдёт, – уже случилась. Причём как «хорошего», так и «плохого». А некоторые позиции из одного списка перетекли в другой.

Ты заметил, как работает релятивизм на вербальном уровне? Поясню. Великая Агата устами своего Пуаро назвала слово самым смертоносным из разоблачений. Нас выдают не только и не столько сами слова, сколько то, *как именно* мы их используем. Так это и работает: есть некое слово с известным каждому значением. Но однажды мы заключаем это слово в кавычки, давая тем самым понять, что это значение не безусловно и может быть понято иначе. А как только мы себе это разрешили, слово теряет связь со своим первоначальным смыслом и может быть использовано как угодно, исполняя любые желания говорящего. Теперь не только Слово повелевает нами, как было изначально, но и мы повелеваем словом, меняя смысл до неузнаваемости. С этого момента всё сказанное может быть использовано против нас.

«От сумы да от тюрьмы не зарекайся», вариант «никогда не говори *никогда*»: в моей жизни не было пока только тюрьмы, и надеюсь, что я до неё не доживу. Как шутят (шутят ли?) врачи, рак будет у каждого, но не каждый до своего рака доживёт. Законопослушность отнюдь не является гарантией того, что ты не окажешься в казённом доме, тому есть множество примеров. Сума – нищенская – у меня была. Не буквально, конечно: я не ходила по городам и весям с котомкой за плечами, в которой умещалось всё моё имущество, и не просила милостыню. Но был у меня такой отрезок жизни, когда, засыпая, я не знала, чем завтра буду кормить своего ребёнка. У многих, наверное, был.

А ещё в юности мы себе клянёмся никогда не вступать в брак по расчёту. Бедные милые глупыши! В юности мы просто не знаем, что любой брак – по расчёту. Брак вообще есть расчёт – по определению. Отваживаясь на это предприятие, мы непременно на что-то рассчитываем: не на деньги, так на любовь и верность. И, честно говоря, деньги подводят гораздо реже, чем любовь и верность.

Во мне говорит не обида, как можно было бы подумать, а безмерное удивление. Все этого рода обиды к тридцати пяти я уже пережила. Как и фазу «никогда больше». Яростнее всего мы клянёмся не делать именно того, чего нам больше всего хочется, так что уже в момент клятвы её нарушение предрешено – и слава Богу, иначе не миновать кушетки прихиратра. Потому что как бы ты ни клялась больше никогда не влюбляться или больше никогда не верить мужчинам (женщинам – нужное подчеркнуть), это всё равно произойдёт. Любовь неумолима, как гравитация. И противясь ей, тебе придётся совершать противоестественные движения, которые тебя просто искалечат. Но закон всемирного тяготения тебе не отменить!

Потому что и в сорок, и в пятьдесят, и, рискну предположить, в шестьдесят наши чувства так же свежи, как в семнадцать. Они могут быть более зрелыми, более осмысленными – но это не делает их менее сильными.

А теперь, Фёдор, о главном... Почему Фёдор, а не Карл, как принято в Сети? Да просто вспомнилась старая театральная байка. Так и быть, расскажу – отсрочу ещё немного то, ради чего я нагородила все эти туры на колёсах.

Идёт спектакль, и вдруг перед последним актом исполнителя главной роли прихватило. Дублёра нет, что делать? Попросили рабочего сцены заменить его, доиграть спектакль: суфлёр подскажет нужные реплики. Загримировали мужика, объяснили, что и когда делать – но забыли предупредить о ремарках. Открывается занавес, наш герой, со своим партнёром по пьесе, сидит за столом. Суфлёр шепчет: «Ты знаешь, Фёдор, как силен я был! Десять вёрст до городу проходил играючи и к обеду успевал обернуться обратно». Мужик исправно повторяет. «Вот эти руки, Фёдор, подкову разгибали!» – шепчет суфлёр, и мужик вслед за ним. «Теперь я уже не тот, – подсказывает суфлёр. – Встаёт и падает». Мужик, откашлявшись: «А теперь, Фёдор, о главном!»

Письмо 6. О главном

Вот Лена говорит: гештальт. Она вообще невероятно начитанна, мне до неё далеко. Я читатель привязчивый, литературный гурман. Для меня чтение – ритуал, сродни чайной церемонии. Я упиваюсь шелестом страниц, их запахом. Мне нравится книга как артефакт, нравится думать о том, как она рождалась, кто до меня держал её в руках. Я открываю обложку, как дверь в святилище, и если книга меня очаровала, то поселяюсь в ней надолго. Просто переезжаю в неё со всем моим барахлом, и живу в ней, пока не зачитаю до дыр. Последнее, конечно, гипербола, но по моим книгам легко определить степень моей к ним привязанности – по тёмным следам от пальцев на обресе. Из-за этой привычки мусолить подолгу одну и ту же книгу читаю я довольно мало. Для Лены книги – образ жизни, её хлеб и масло на этом хлебе. Судя по её репликам, она поглощает книги просто в неумеренных количествах. При этом она не носит свою феноменальную начитанность, как корону, потому что ко всему прочему ещё и умна.

Начитанность и ум вообще взаимно не обусловлены, как это может показаться. Я постоянно встречаю людей энциклопедически начитанных, но при этом неумных. И наоборот: есть те, кто читает сравнительно немного или даже откровенно мало, но чей ум заточен до опасной остроты. Помню свою однокурсницу, из которой всякий раз, как она открывала рот, цитаты сыпались, как горох из прохудившегося мешка. Но бедняжка с трудом закончила университет – я даже не уверена, что закончила: она оказалась решительно неспособна накопить несчастную курсовую, не то что диплом.

Человек неумный выдаёт себя в том числе и вот этим комичным бахвальством – он носит свою начитанность как корону и похвально ей при всяком удобном случае, ревниво наблюдая за реакцией окружающих: все ли заметили, насколько он начитан? К тому же он, как правило, сноб, уверенный, что владеет монополией на истину.

Лена совсем другое дело. Спорит она с наслаждением, но это у неё не спорт, а что-то вроде фитнеса, когда важен не столько результат, сколько сам процесс. И делает это посредством сетевого жаргона, едкого, как щёлочь, за что ей постоянно прилетает от всевозможных грамматнациков и прочих ревнителей языка. Так вот, как было сказано выше, она считает, что случившееся со мной – гештальт. Почитав об этом феномене, я склонна с ней согласиться, но беда в том, что это ничего не меняет. Когда ты понимаешь, что с тобой происходит, это может снизить степень тревожности, но чёртова роза продолжает пахнуть розой, хоть розой назови её, хоть нет.

Ну, допустим. Несмотря на всю мою уверенность, что я достигла нирваны, или своей гавани, или мудрости, называй это как хочешь, допустим, что во мне зрела некая потребность. Гештальт. Как он умудрился созреть, не попадая в поле моего внутреннего зрения, я, право, не знаю, но, созрев, упал мне на голову с энергией, пропорциональной массе и квадрату скорости (хорошо хоть пополам). Исаак Ньютон меня бы понял. Никогда такого не было, и вот опять! Из глубин моей безмятежной души внезапно вырвался факел, озаривший этот буколический пейзаж беспощадным светом, напрочь изгоняющим любую тень. И сошёл с неба световой столп, и в этом столпе явился Ангел, и Ангел был Лев...

Я смеюсь. Потому что смех – последнее прибежище горечи, единственное противоядие, которое мне осталось. Лев, конечно, далеко не ангел – ни с большой, ни с маленькой буквы – что он и сам неоднократно подчёркивал. Вообще в его натуре невероятная скромность парадоксальным образом сочетается с осознанным кокетством, и, надо сказать, он этого даже не скрывает. Знаешь, напишет о себе что-нибудь эдакое, и когда ты уже поверила, или не поверила, или принимаешься недоумевать, вдруг простодушно вставит: «Я кокетничаю». Ну, как – простодушно. На первый взгляд. Лена считает, что это всё ухватки обычного пикапера (кстати, это словечко я тоже узнала от неё). Возможно. Хотя пытаться объяснить человека посредством какого-то одного понятия – затея бесперспективная. Любое понятие являет собой известное упрощение, так как может описать или объяснить только одну сторону явления. Это к вещи можно приклеить этикетку «сыр», «мыло туалетное», «контейнер для белья пластиковый», да и то отдельные предметы со временем разрушаются. По истечении определённого срока сыр утрачивает потребительские свойства и перестаёт быть сыром; у мыла более долгий срок, но только при условии правильного хранения; даже неразлагаемый пластик может со временем потрескаться, скукожиться и сломаться. Что уж говорить о таком сложном и противоречивом предмете, как человек. Какой бы ярлык мы к нему ни приклеили, он способен объяснить лишь ту грань его природы, которую мы видим из своего угла.

Поэтому я склонна согласиться с Леной: какой-то частью своей природы Лев действительно пикапер. Но всё же рискну предположить, что это не является его основным занятием в – Сети, по крайней мере. О его жизни в реале ничего утверждать не берусь, ибо знаю о ней только с его слов. Как бы там ни было, это натура гораздо более сложная, чем банальный соблазнитель, самоутверждающийся посредством этого, в общем-то, вполне невинного занятия. Говорю «невинного», так как уверена: любого человека можно склонить только к тому, чего он сам, сознательно или нет, хочет. Заставить, вынудить – другое дело, здесь надо прибегнуть к известному насилию. Но склонить – это значит всего лишь подтолкнуть в направлении желаемого. Гештальт, однако! (Рука тянется поставить несколько скобочек, изображающих смех).

Кстати, о скобочках – в скобках. Однажды, ещё во время нашей со Львом активной переписки, он с досадой пожаловался на залипающий верхний ряд клавиатуры его ноутбука –

дескать, прости, сегодня скобочек не будет. Примечательно, что его обеспокоило не отсутствие вопросительного знака, или восклицательного, или тире, а – скобки! Мне бы уже тогда задуматься. Приложив нехитрую дедукцию, из этой реплики можно извлечь степень серьёзности наших отношений, по крайней мере – его отношения ко мне: забава! Но я была слепа, я читала только слова – без знаков препинания. Я тоже была компьютером с испорченной клавиатурой: он – не писал, я – не читала знаки.

Знаки! Из того немногого, что мне известно о его образе мыслей. Как-то мы беседовали о том, чем определяются наши поступки. Как бы человек ни скрытничал, но, общаясь с кем-то довольно продолжительное время, он не может не проговориться хотя бы о чём-то личном. В том диалоге Лев признался, что конец его легкомыслию положила болезнь. Насколько я могу судить с его слов, болезнь не была особенно тяжёлой, но могла иметь фатальные последствия. И вот, лёжа на больничной койке, он задумался.

В этом нет ничего экстраординарного: многих людей внезапный недуг заставляет провести ревизию собственной жизни. Это естественно. Привыкнув распоряжаться своим телом и временем, ты внезапно оказываешься беспомощным, лишённым возможности заниматься обычными делами. Единственное, что остаётся активным, это мозг. Даже человек, не склонный в рефлексии, в этом состоянии вынужденного безделья, если оно окажется достаточно продолжительным, способен задуматься о собственной жизни. Что уж говорить о том, кому рефлексия свойственна изначально. Вот тогда-то Лев, по его собственному признанию, задумался о причинах, приведших его на больничную койку. Что это были за причины, говорить отказался, отписавшись своим непререкаемым *no comment*. Нет так нет, я никогда не настаиваю на откровенности. Вопрос был задан мною не из вежливости, мне было на самом деле интересно, как дорога нам любая подробность, даже пустяковая, о жизни небезразличного нам человека. Лев тщательно оградил от меня свою жизнь, расставляя свой «*no comment*» наподобие забора вокруг частного владения. Это было немного обидно, но непринципиально. Лена сказала бы, что это было сознательное нагнетание таинственности с целью возбудить мой интерес. Возможно, а может, и нет. Был ли в этом коварный замысел, или это была естественная скрытность, но в своём представлении о Льве я заполняла эти пустоты плодами собственного воображения, основанными, конечно, на моём личном опыте. Иными словами, в своих заключениях о нём я исходила из гипотетических посылок, оказавшихся, видимо, ложными.

Но вернусь к тому разговору. Лев признался, что, размышляя о жизни и о том, куда она его привела, выделил два ориентира: *знаки и уроки*. В том смысле, что жизнь щедро расставляет на нашем пути своего рода маячки, предупреждающие нас и подсказывающие, что делать. Но, так как они не выглядят как знаки и скорее сравнимы с порталами для трансгрессии из «Гарри Поттера», каковым мог оказаться, например, стоптанный башмак на дороге, мы их часто не замечаем, и в этом причина всех наших неприятностей. Которые, в свою очередь, есть не что иное как уроки. Чтобы исключить эти неприятности в дальнейшем, урок необходимо выучить – то есть осмыслить причины и следствия.

Этот вывод не является таким уж трансцендентным озарением, но тогда он показался мне знаменем. Впрочем, тогда все наши со Львом совпадения казались мне знаками свыше. Хотя, если задаться этой целью, можно найти массу общего почти с любым человеком, чьи биографические детали возьмёшь на себя труд выяснить – жизнь не особенно щедра на сюжеты. Но разве об этом думаешь, когда с тобой случается амок! В этом состоянии вообще не думаешь – в общепринятом смысле слова «думать», подразумевающим *рациональную* умственную активность.

Словом, когда я прочла о его *знаках и уроках*, меня даже в жар бросило: да ведь это же обо мне! Ведь и у меня был такой рубикон, когда переосмысление собственной жизни сделалось условием выживания. Когда я стала различать расставленные на моём пути знаки, останавливаться возле них и задумываться. Я и до сих пор учусь их читать, и это, видимо, уже навсегда,

потому что набор этих знаков неограничен. Их невозможно выучить, как обычные дорожные знаки, потому что большая часть их никогда не повторяется, зато постоянно возникают новые.

Письмо 7. Уроки

Лет уже надцать назад моя жизнь стремительно сорвалась под откос. Это случилось на перегоне между двумя станциями – первым и вторым браками. Риск сорваться с рельсов всегда существует, когда судьба делает крутой поворот, особенно при наличии неполадок в локомотиве...

Но оставлю в покое железнодорожную аналогию. Недуг подступал издалека и очень незаметно, что притупило мою бдительность. В итоге, как это часто со мной бывает, я заметила неладное только тогда, когда уже вошла в жестокий штопор. Словом, это была, если верить медикам, депрессия – но это ни о чём: слово модное, и им теперь называют всё что ни попадя, начиная с плохого настроения и ПМС. Встала не с той ноги – депрессия, скучно – депрессия, не могу придумать, где взять денег – депрессия, всё достало – депрессия, и так далее и тому подобное...

Милые мои глупыши, да вы просто не знаете, о чём говорите! Депрессия не имеет ничего общего ни с перечисленными случаями, ни с ещё несколькими сотнями неперечисленных, но регулярно всеу упоминаемых! Настоящая, клиническая депрессия – это такой клинч, которого я, прошедшая через это, не пожелала бы даже своему врагу, буде у меня таковой бы имелся. Не имеется. Допускаю, что есть люди, которые считают меня своим врагом – их проблема. Мне хватает неприятностей и без этой напасти.

Так вот, депрессия. Я расскажу, что это такое на самом деле. Начнём с того, что она бывает нескольких видов, совсем не похожих между собой, даже противоположных. К примеру, есть такая, для которой свойственны подавленность и апатия – её чаще всего и имеют в виду, употребляя это слово. Состояние малоприятное, но терпимое.

И есть депрессия *ажитированная*, при которой состояние подавленности сменяется неконтролируемым возбуждением и беспокойством, невозможностью усидеть на месте из-за острых приступов страха и паники. Это трудно описать, и понять, какой при этом испытываешь ужас, способен только тот, кто пережил. Все остальные будут увещевать тебя банальностями вроде того, что «ты сама себя накручиваешь». Им, видите ли, кажется, что это каприз неуравновешенного человека. Если, не дай Бог, с тобой такое приключится, смиришься с тем, что объяснять это кому-то ещё бесполезно.

Сначала паника накатывала приступами – раз в несколько лет, раз в год, раз в месяц. Это был невыносимый и совершенно иррациональный страх, без какой-либо причины, на пустом месте. Впрочем, слово страх не в состоянии передать и сотой доли того животного ужаса, который при этом испытываешь. Ты просто превращаешься в комок непреодолимого и невыносимого кошмара, как если бы тебе вынесли приговор, и ты совершенно точно знаешь, что его приведут в исполнение. Причём это вовсе не обязательно страх твоей собственной физической смерти. Страшит не какое-то конкретное событие, а нечто неизвестное, но неотвратимое... Но, повторяюсь, слова бессильны.

Начавшись с таких приступов – внезапных и непродолжительных, может быть, час-другой – паника идёт по нарастающей. И если от неё отмахиваться, то однажды наступает день, когда она становится непрерывной. По-хорошему, заниматься этим надо начинать уже после первого такого приступа. Я отмахивалась. Как и мои близкие, среди которых есть даже врачи. «Выпей валерьянки». Сами пейте вашу валерьянку! С тем же успехом больному раком в последней стадии можно предлагать аспирин.

Не буду утомлять тебя медицинскими подробностями, что пережила – всё моё. Скажу только, что на несколько лет я выпала из жизни. Счастье вообще, что вернулась! Считаю необъяснимой милостью судьбы тот факт, что, когда я уже перестала есть и спать, на короткое время нашей соседкой оказалась врач-психиатр, которая и вывела меня из критического состояния,

погрузив на две недели в медикаментозный сон. Дальше выбираться пришлось самой, очень медленно и постепенно. Где-то через полтора года наступил первый просвет – несколько часов без паники, и уже это было невероятным счастьем. До полного освобождения прошло года три. Ну, как – полного. Относительно. Как объяснила великолепная Света, дай Бог ей всяческого счастья, время было упущено и процесс перешёл в хроническую фазу. Но я, по крайней мере, научилась с этим жить.

Теперь к урокам.

Первый и главный – надо научиться останавливаться. Найти свою черту невозврата – и останавливаться *перед* ней. У каждого из нас есть свой запас прочности, и часто мы работаем на пределе своих возможностей. Надо только знать, где он, этот предел, и не переступать. Даже если все вокруг будут уговаривать: потерпи ещё немножко, вот это сделаем – и тогда... Даже если будут грозить увольнением или лишением чего бы то ни было. К чёрту! Положи на одну чашу весов то, чего ты можешь лишиться, а на другую – свой рассудок, и ты получишь недвусмысленный ответ на вопрос, как следует поступить. И поработай над личной системой оповещения – вкрути аварийную лампочку, которая станет тревожно мигать всякий раз, когда ты подходишь к опасной черте. У каждого должна быть такая аварийная лампочка. Моя – Итуруп. Да-да, остров Курильской гряды, один из тех спорных островов, на которые претендует Япония. «Конец географии!» Как только меня начинает тянуть на этот суровый и малоосвоенный край света – я знаю: пора остановиться. Если этого не сделать —выносит в крутой штопор, из которого можно и не выйти.

Второй урок – приоритеты. Нереально трудно человеку, воспитанному на пионерском салюте – общественное выше личного! – ставить в приоритет собственные цели, а не те, которые навязывает ближайшее окружение. Теперь и не вспомнить, сколько сил потрачено на всякую кампанейщину – вместо того, чтобы заниматься *своим делом*. Своё дело – это не частный интерес, не эгоизм, как нас приучили считать. Это именно то, для чего ты пришёл в этот мир. Общее дело, *res publica*, состоит из таких вот частных дел, и нет ничего постыдного в том, чтобы ставить его во главу угла, да простится мне этот пафос. Вся Великая русская литература вопиёт об этом. Толстой говорит о том, что в годину наполеоновского нашествия самыми полезными деятелями были те, кто занимался своими обычными делами – и высмеивал барынь, щипавших корпию, никогда не доходившую по назначению. Душечка Чехов призывал каждого сделать всё возможное на своём куске земли – заметьте, на своём! – считая это необходимым и достаточным условием преобразования *всей земли*. Милейший Михаил Афанасьевич Булгаков с его бессмертным «разруха не в клозетах, а в головах» предостерегал от того, чтобы петь хором и решать судьбы иностранных оборванцев в ущерб своей непосредственной работе. И, наконец, есть великолепная миниатюра Жванецкого «Причины Родину любить», диалог наших современников, которые пытаются понять, как им жить. ««Так как надо родину любить?» Он мне такую глупость сказал: «Прокорми себя. Облегчи всем нам жизнь». – И это патриотизм? – Да, говорит, это и есть высший патриотизм». Всё то, о чём Толстой, и Чехов, и Булгаков – в пределе.

Так что давайте не будем. Не надо мне вот этого... «непорядочно», «непатриотично». Тот, кто честно занимается своим делом, и есть самый порядочный патриот. Всё остальное – декорум.

И третья. Жить надо *сейчас*. Никакого светлого будущего! Оно, как линия горизонта, всегда равноудалено от нас. Мы не знаем и никогда не узнаем, что там, поэтому воображаем себе кто во что горазд. А между тем будущее начинается сегодня – ты уже в нём живёшь, каждая следующая секунда жизни – это будущее, становящееся настоящим. Так что единственный способ создать себе светлое будущее – это жить в светлом настоящем. Никаких «когда-нибудь потом», завтра может *тупо* не наступить...

Собственно говоря, уроки мы извлекаем постоянно – кто вообще склонен их извлекать, но тут вариантов всего два: либо ты выучил урок, либо очередной раз получаешь по лбу черенком грабель. И так до тех пор, пока не выучишь. Можно сколько угодно пенять на грабли – им, граблям, нет никакого дела до того, что ты о них думаешь. Мир полон таких страдальцев, которых жизнь, увы, ничему не учит. Зайди хоть в любую соцсеть. Такие не устают сетовать на несовершенство мира – пардон за фольклор, все пидорасы, а я д'Артаньян! – хотя элементарная логика должна заставить задуматься над вопросом: почему?

Почему судьба, как ты считаешь, несправедлива именно к тебе? Чего она прицепилась? Что ей надо? А может, она хочет, чтобы ты наконец оторвал своё седалище от нагретого места и хотя бы купил лотерейный билет? Ведь, если ты не совсем дурак, то должен понимать: статистическая вероятность, что все вокруг дерьмо и только один ты хороший, ничтожно мала. Может, всё-таки что-то не так с тобой? Что-то такое в тебе самом притягивает все эти громы небесные на твою глупую голову? Чтобы достучаться наконец до твоего рассудка.

До некоторого момента в моём собственном прошлом и моя жизнь напоминала День Сурка. Эти нескончаемые мужчины, использующие меня как жилетку! Других теперь, что ли, не производят? Если бы не опыт (пускай не вполне удачный, но всё же), я бы тоже, наверное, сидела сейчас на берегу Рио-Пьедра и проливала слёзы. Сходство между теми, кого подсовывала мне жизнь, доходило до смешного – если бы это не было так грустно: даже их дни рождения укладывались в одну декаду! Получалось, что не стоило труда уходить от мужа, так как все остальные не лучше, а он, по крайней мере, зло известное. Вот тогда-то, на берегу моей персональной Рио-Пьедра, я села и крепко задумалась. Стало очевидно: что-то не так во мне самой. Ибо если одни и те же обстоятельства воспроизводятся из раза в раз с непреодолимой силой физического закона, значит, они являются прямым следствием некоторых постоянных условий.

В то время я ещё не преподавала логику и даже её не знала. Мой опыт общения с ней исчерпывался семестровым университетским курсом, который пролетел пулей по касательной, лишь слегка оцарапав висок. Профессор, который его вёл, был меланхолическим ипохондриком, априори неспособным, что называется, *зажечь*, а я была Марианной из «Разума и чувства» – то есть, попросту, меня несло. Моя юная поэтическая экзальтация проявляла себя, в числе прочего, в рационалистическом нигилизме. То есть я была Базаров наоборот – Воразаб. Если тот признавал только доводы рассудка и силу фактов, то я была, напротив, целиком трансцендентна, читай: не от мира сего. Культивируя в себе чувствительность, и без того обострённую от природы, я гордо игнорировала такой сухой и скучный предмет, как логика, убеждая себя, что мне он ни к чему, жить надо сердцем. Словом, *принцессы не какают!*

Вспомнился эпизод из «Настоящих мемуаров гейши» Минеко Ивасаки. Будучи одной из самых успешных гейко своего поколения, она однажды угодила в больницу с острым аппендицитом, и когда после операции доктор задал ей стандартный вопрос, отходят ли у неё газы, девушка гордо ответила, что такими глупостями она не занимается.

Поскольку я тоже в ту пору «такими глупостями не занималась», логика просвистела пулей у виска, и зачёт я получила только потому, что профессора утомила моя непробиваемая тупость. Приходя раз за разом на пересдачу, я повторяла затверженные определения, и любой вопрос, сформулированный иначе, чем в билете, тут же ставил меня в тупик. К третьей попытке ему это надоело, и он решил избавиться себя от меня. К слову сказать, логика была единственным предметом, который я не сдала, и наличие зачёта ничего не меняет. Где-то, уже и не вспомню, где, я читала об одном знаменитом израильском профессоре, который поставил зачёт студентке, не проронившей ни слова. Когда ассистент поинтересовался, почему он это сделал, профессор ответил: но ведь она не допустила ни одной ошибки!

Парадоксальным образом именно логику я теперь преподаю, что лишний раз доказывает справедливость расхожей максимы «никогда не говори никогда».

Всё это я рассказываю к тому, чтобы тебе было понятно: до всего, до чего я додумалась, я додумалась самостоятельно, не владея дедукцией даже на бытовом уровне, так что считаю себя в праве собой гордиться. Как водится, всё началось с сакраментального вопроса: какого дьявола?! Чего это они все гребут к моему берегу – эти похожие, как близнецы, недопёски, ищущие во мне мамочку?

Устав грести против течения и наблюдать на берегу один и тот же пейзаж, я бросила вёсла и задумалась...

Из всей нашей большой семьи я в своём поколении старшая. Все мои братья и сёстры моложе меня, включая и родного, который появился, когда мне шёл десятый год. Первенец в любой семье – первый блин, который выходит комом, так как у родителей ещё отсутствует опыт. При его воспитании они допускают все мыслимые и немыслимые ошибки и на нём обкалывают свои педагогические навыки. У меня были родители с очень сложными отношениями между собой и в конфликте с самим собой каждый по отдельности. Но, с другой стороны, имелись бабушка и дедушка, которые, как и положено, очень меня любили, и дядя, в ту пору очень юный, но непостижимым образом уже заточенный на выполнение родительских функций. Таков мой стартовый пакет. Но потом один за другим пошли рождаться другие, и я сразу стала старшей сестрой – со всеми причитающимися этому статусу обязанностями. Всю малышню оставляли на меня, и я даже не догадывалась о степени своей ответственности, пока однажды дядина жена (стало быть, моя тётя), поручая мне присмотр за своими двумя отпрысками, не произнесла примерно следующее: «Глаз с них не спускай! Учти: если они выпадут с балкона, рожать мне новых будешь сама!»

И я, видимо, прониклась. По крайней мере, с этих пор чувство ответственности в моих отношениях с окружающими стало определяющим. Мы в ответе за тех, кого нам поручили! И, видимо, это было написано у меня на лбу, так стоит ли удивляться, что к моему берегу прибывало инфантильных, не способных позаботиться даже о себе мужчин?

Письмо 8. Вывеска

Думаю, каждый из нас носит на себе какую-то вывеску, даже не подозревая об этом. Помнишь эпизод в электричке из нашего всенародно любимого фильма «Москва слезам не верит»? «– Если я не ношу обручального кольца, это ещё ни о чём не говорит. – Да даже если бы вы носили три обручальных кольца, вы всё равно не замужем. У вас взгляд незамужней женщины». Ровно так же и во всех остальных случаях.

Ты не замечал, например, что есть люди, которым все кидаются помогать? Даже если их об этом не просили. Просто потому, что всё оно какое-то такое жалкенькое, беспомощное, непрактичное. Говорю «оно», потому что это может быть как женщина, так и мужчина – в равной пропорции, хотя наше сознание фиксирует, главным образом, женщин. Вернее, так: подобного рода женщин и мужчин оно, сознание, разносит по разным категориям, и поэтому нам кажется, что беспомощные женщины преобладают. Почему по разным – объяснять, наверное, излишне, просто констатирую: беспомощная женщина – явление всё-таки более естественное, чем беспомощный мужчина. Последний вызывает у нас либо материнский инстинкт, либо раздражение – в зависимости от того, насколько он симпатичен – и попадает в разряд либо хронических лузеров, либо маминых няшечек. Отсюда и проистекает разница в том, *как* мы реагируем на «бедняжек» противоположного пола. В большинстве случаев мы либо не замечаем этого кокетства – потому что такая беспомощность по меньшей мере в половине случаев не более чем кокетство, сознательное или неосознанное – либо замечаем, но принимаем правила игры и ведём себя в соответствии со сценарием, то есть подыгрываем.

У мужчин это, наверное, иначе, хотя не факт. Я не была мужчиной – по крайней мере, не в этом воплощении, а предыдущих моя память не сохранила. Мужиком – да, время от времени и по мере необходимости, но не мужчиной; ты поймёшь, что я хочу сказать. То, что прежде называлось «быть мужиком», теперь чаще описывается идиомой «у тебя есть яйца». Говорят,

у меня они есть и даже стальные, но это ситуативно и только в экзистенциальных вопросах; в быту я, несомненно, девочка, со всеми вытекающими отсюда поведенческими реакциями. И так как мужчиной я никогда не была и уже вряд ли стану, любые мои построения на этот счёт не более, чем гипотезы. Рискну предположить, что для вас (не тех, кто рождён с некоторым набором половых признаков, а для тех, кто осознаёт себя таковым) должно быть естественно брать на себя ответственность, и поэтому наша женская слабость едва ли вызывает у вас активное неприятие. Раздражение – может быть, когда нашей слабости чересчур и она начинает существенно осложнять выполнение других задач. Но зато на её фоне стремительно растёт ваша самооценка, а для вас, согласись, очень важна гендерная идентичность, и самое тяжкое оскорбление – услышать в свой адрес: *ты не мужик, ты баба!*

Любая женщина «с прошлым» тебе совершенно точно скажет, что вот у этого мужчины на лбу недвусмысленно, прописными буквами написано «КОБЕЛЬ», и эта вывеска указывает отнюдь не на пол – во всяком случае, не только на него. И, кстати, о *женщинах с прошлым* – некоторые размещают эту информацию на вывеске, а другие держат при себе. Так или иначе, к определённому возрасту многие из нас обзаводятся этим самым *прошлым*, под которым обывательское сознание разумеет богатый опыт интимного свойства. Однако не все вывешивают его в качестве наружной рекламы, хотя шила в мешке не утаишь, и наша опытность временами даёт о себе знать независимо от нашего желания, проявляя себя том числе и способностью читать вывески других. Но чтобы их прочесть, человека необходимо увидеть лицом к лицу – что называется, в деле. Наши поведенческие реакции всё-таки рефлекторны либо доведены до автоматизма. Словом, они непосредственны: тело реагирует на внешние раздражители быстрее, чем сознание решит, как *следует* на них реагировать.

С этой точки зрения соцсети представляют собой необъятное минное поле. Потому что написать о себе можно всё что угодно – а хоть бы и «мин нет!» – но проверить достоверность написанного можно только на личном опыте общения. Хотите рискнуть?

К счастью, вышеозначенные кобели крайне редко пасутся на бескрайних пажитях того сообщества, которое мы с тобой почтили своей привязанностью: для этих любая вторая фраза уже лишняя, а определяющим является визуальный контент, так что их кормовая база располагается там, где красотки построят фотки. Здесь, у нас, обитают люди, склонные к рефлексии, живущие более или менее насыщенной умственной жизнью – словом, *сложные*. И вот это настоящая засада, в отличие от незамысловатого чемпиона по совращению, которого видно издалека.

Здесь вывеска ничего не значит. На ней может фигурировать цитата из любимого классика или из себя, любимого, или пейзаж, или фото вполне невинного свойства. Но независимо от того, что там изображено, следует помнить: это обратная сторона Луны, и любые наши заключения о ней всего лишь вероятны.

Лев выглядел как человек, которому хочется верить. Хотя почему я пишу «выглядел»? Он и сейчас так выглядит – ничего не изменилось, просто мы оба стали на год старше. Не думаю, что я стала лучше в нём разбираться, напротив: чем дальше, тем больше вопросов. Думать о нём стало своего рода упражнением, коаном, настоящая цель которого не совпадает с заявленной и заключается в том, чтобы разобраться в себе.

Например, что не так с моей собственной вывеской? Потому что есть вещи, которые со мной никогда не происходят. Никогда! Как бы я этого ни хотела. Например, мне почти никогда не дарят цветы. А я ведь их очень люблю! Но мне тащат шоколад или коньяк. Чай или кофе (ну, допустим, это неплохо). Иногда какую-нибудь безделушку. Всё что угодно – кроме самого очевидного: цветов. Я знаю женщин, абсолютно к цветам равнодушных, так вот они регулярно получают просто фантастические по размерам и цене букеты. «Ну и зачем мне этот веник? Лучше бы деньгами отдал», – брюзжат они при этом, но через какое-то время опять получают свой букет. Почему? И, самое главное, зачем? Может, с определённого рода женщи-

нами вы испытываете потребность постоянно доказывать свою состоятельность? Хотя непонятно, какую. Ну, не знаю, не финансовую же – в этом случае дарили бы драгоценности или, в конце концов, деньги. Так нет же: цветы. И почему-то непременно дорогие. Красные розы, в основном. Числом штук так пятьдесят плюс одна. Интересно, как бы это прокомментировал старина Фрейд.

Плевать на розы. Особенно на красные, без запаха и на метровых черенках. Они мертвы. Они уже не более чем общее место. Меня интересуют чайные – с открытой сердцевинкой, так сладко пахнущей. Или фрезии, нежные и хрупкие, с едва уловимым холодным и грустным ароматом. Или подсолнухи – щедрые, разлапистые, густо утыканные семенами, как русский стол закусками. И так же сложно пахнущие. Или лохматые хризантемы, занесённые с холода, пряные и свежие. Или соблазнительные пионы в пышном убранстве прохладных шёлковых лепестков, источающие аромат страсти. Или гроздь сирени, похожей на сладкую грусть...

А может, это кармическое? Когда мне было лет тринадцать, у меня был приятель. Юрка. Кузен моего соседа. Он жил в другом районе, но иногда делил с нами наши детские забавы. Мы вместе ходили на Подкумок и взбирались на Бештау. Однажды, зимой, я долго болела, и Юрка передал мне с Андрейкой ветку цветущей вишни, которую «распустил» у себя на подоконнике. Уж не знаю почему, но это меня ужасно смутило, и я отправила подношение обратно. Это было глупо и нелепо, толстенный Андрейка, красный от смущения и досады, сопя, удалился, чтобы через пять минут снова вернуться: Юрка, мол, велел передать, что ничего такого, просто хотел сделать приятное. Но цветы я так и не взяла. Мне было страшно жаль цветов – и жаль Юрку, который, наверное, огорчился. Я даже, помнится, всплакнула.

А много лет спустя, когда мы были уже взрослыми и обзавелись семьями, я от нашей общей подруги узнала, что Юрка разводит экзотические растения и у него их целая оранжерея. Я вспомнила о том глупом эпизоде нашего общего детства и, так как бывала в нашем городе наездами, попросила подругу извиниться за меня перед Юркой. Просьбу она исполнила. Он посмеялся, удивился, что я это ещё помню, и сказал, что это пустяки. Но, если это меня до сих пор беспокоит, то я могу исправиться – и передал мне горшочек с аравийским жасмином, который потом долго жил у меня, переезжая с квартиры на квартиру и наполняя любое жилище божественным ароматом, когда распускался хотя бы один крохотный белый цветок. Долго. Гораздо дольше, чем Юрка, которому было отпущено всего тридцать два года...

И вот теперь я думаю – а может, это меня настигло возмездие за тот, отвергнутый мною, наивный и чистый дар мальчика из моего детства?

.....

Как бы там ни было, мы о себе знаем ненамного больше, чем о посторонних, и это при том, что живём с собою от самого рождения. Всё, что я узнавала о себе от других, ставило меня в тупик – настолько оно не совпадало с тем, что думала о себе я сама. Помню, как рассмешила меня коллега своим удивлением по поводу моего первого брака: этот медведь – и ты, *тропикана-женицина!* Я-то считала себя скромной домашней тапочкой. Однако дальнейшее подтвердило правоту её оценки – брак вскоре начал трещать по швам, и спустя десять мучительных лет распался. Домострой таки не мой стиль жизни! Но, помимо пьянящей свободы и упоительного одиночества, меня после развода беспокоила какая-то неудовлетворённость.

Природой так устроено, что, как это мило называют медики и социологи, в *репродуктивном возрасте* следует иметь семью. Не сексуального партнёра – а именно семью как среду, наиболее приспособленную для выращивания потомства. Партнёра завести легко, но далеко не каждый, кто готов с тобой спать, согласится взвалить на себя заботы о твоём ребёнке. Словом, непринуждённые отношения без взаимных обязательств оказались мне неинтересны. Не то чтобы я не попыталась, отчего же. Было полезно пройти и через это – хотя бы в порядке эксперимента, чтобы понять, от чего я отказываюсь. Выбор претендентов оказался богатым, и в их числе были даже холостые мужчины. Одни, не смирившись с отказом, гордо вычеркнули

меня из списка своих контактов; с другими из них я даже сохранила приятельские отношения. Как раз от одного из этих последних я и услышала очередное откровение: он признался, что, как только увидел меня, сразу понял, что у меня «девять из десяти отсеиваются уже при подаче заявления». Словом, оказалось, что я довольно разыскательна.

Эти подсказки, если их не игнорировать, бывают очень своевременны и полезны как раз тем, что позволяют увидеть себя со стороны. Брошенное как-то вскользь одним моим родственником замечание: «Вот скажи, почему ты себя противопоставляешь?» – помогло избавиться от навязанного мне комплекса *быть выше всего этого*. Мне тогда было всего лет пятнадцать, но и того моего умишка хватило, чтобы понять: это действительно не вариант. Понимание пришло не одномоментно, однако, как шутят армейские, *задание было дано и время засекаено*: процесс пошёл. Другая родственница, женщина прямолинейная и суховатая и, к тому же, крепко меня недолюбливающая, как-то процедила сквозь зубы: «А ты не добрая!» Честно говоря, до этого момента я и не задумывалась, добрая я или нет. И что такое вообще доброта? И можно ли стать добрым?

В определённом смысле я действительно не добрая. Не «недобрая», а отдельно – в зависимости от того, пишете ли вы частицу «не» слитно или отдельно, смысл слова получается разный: *недобрая* – это временный признак, настроение (недобрая усмешка); в то время как *не добрая* – качество более или менее постоянное. Так вот, я и правда не добрая – в обывательском смысле. Я никогда не стану лить слёзы с человеком, у которого приключилась беда. Любого масштаба. По мне часто вообще невозможно понять, что я чувствую и чувствую ли вообще хоть что-то – это я уже знаю. В этом я похожа на свою бабушку. Она меня очень любила, но никогда надо мной не сюсюкала, не тетёшкала и не проявляла своих чувств общепонятными способами, которые для большинства служат главным показателем. Её любовь ко мне имела деятельный, практический характер, то есть выражалась в том, что она меня кормила, одевала – обшивала и обвязывала своими руками, мазала йодом мои разбитые коленки и ставила клизмы, заплетала косички и поила валерьянкой, когда мне снились страшные сны. Что проку лить слёзы и причитать? Но я всегда чувствовала её любовь и знала, что могу на неё рассчитывать...

И я встречала огромное множество людей, которые будут проливать слёзы над твоей бедой, и говорить кучу ненужных чувствительных слов, и причитать, и делать бровки домиком, и комкать в руках мокрый платочек – но, выйдя и затворив за собой дверь, тут же забудут о тебе и вернуться к своим делам. Это как старая графиня Ростова, которой посердиться и поплакать было необходимо для хорошего пищеварения, а вовсе не оттого, что у неё были причины сердиться или плакать.

Вот такая, понимаешь, вывеска.

Письмо 9. Странное время

Это было странное время.

Целых два месяца я прожила, не касаясь ногами земли. Именно так: просыпалась – и взлетала. Гравитация была минимальна – как на Луне, когда привычные усилия оказываются чрезмерными и при каждом шаге тебя подбрасывает, как воздушный шар.

Вещи и поступки ничего не значат сами по себе или, вернее, значат ровно столько, сколько написано о них в словарях и в инструкциях. Мы сами наделяем их тем смыслом, который взрастили в собственной душе. Говоря о душе, я имею в виду то сложное нечто, которое как раз и придаёт смысл всему, что нас окружает и что с нами происходит. То самое силовое поле, которое вырабатывает каждая человеческая единица. Это поле не имеет постоянных свойств, у кого-то оно больше, у кого-то меньше – но более плотное. Оно может быть вязким или упругим, притягательным или отталкивающим, обволакивающим или жгучим – причём даже у одного и того же человека в разное время душа приобретает разные, если так можно выразиться, физические характеристики. Как знать, может быть, именно эта его переменчи-

вость виной тому, что никто до сих пор научно не обосновал существование души. Но наши чувства тоньше и универсальнее любых физических приборов: каждый прибор настроен на вибрации только одного типа – чувства реагируют на любые.

Но я опять уклоняюсь. Очень трудно писать об этом и не впасть ни в одну из крайностей – ни в мистику, ни в сентиментальность, ни в скепсис. Реальность гораздо сложнее каждой из этих составляющих и, как любая система, является чем-то большим, чем простая сумма входящих в неё элементов.

Итак, это было странное время. Теперь бы я назвала это Преображением – именно так, с большой буквы, как в Писании. «...И просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет», да простится мне такая выпренность и дерзкая аналогия. Но правда: очень похоже! Словно замкнулась какая-то электрическая цепь и ток Вселенной потёк по моей кровеносной системе...

После, перечитывая ленту нашей со Львом переписки, я пыталась увидеть её другими глазами – глазами постороннего – и вынуждена была согласиться, что в ней не было *ничего особенного*. Ну, то есть, если все фразы истолковывать в соответствии со словарными значениями входящих в них слов. Решительно ничего! Обыкновенный приятельский трёп – даже не дружеский, болтовня случайных знакомых: о том о сём, о работе – о детях, немножко о книгах, немножко о мыслях. Факт! Но я засыпала, укрывшись собственным крылом, и просыпаясь, видела восходящее солнце сквозь тонкий узор его перьев...

Впрочем, даже в эту пору я не была так уж слепа и понимала, что образовавшееся притяжение было односторонним. Но я не хотела смотреть правде в глаза и все намёки предпочитала оставлять без внимания. Иными словами, я уже падала, но продолжала думать, что лечу. Надежда умирает последней. Лев был мил, любезен и деликатен – до определённого момента. Мы могли беседовать часами, оставаясь онлайн почти целый день, но на другой день он отсутствовал в Сети – таков был график его работы, на третий появлялся снова, но дискретно: был занят другими делами. Иногда пропадал на несколько дней – командировки, и мне ничего другого не оставалось, как принять эти условия. Я не находила себе места и иногда, не выдержав, писала короткие сообщения, на которые не получала ответа.

Что это было? И если ему было всё равно, то зачем было поддерживать этот огонь? Подбрасывать в него дровишки. Быть может, моё внимание всего лишь льстило его тщеславию? Но тогда долгие беседы совершенно излишни, можно было удовольствоваться коротким обменом репликами.

– Зачем я тебе? – спросил он однажды. – Я непригоден. Я сам по себе, и к тому же шалопай, – добавил он несколько минут спустя и принялся рассказывать мне какую-то историю в качестве примера своего шалопайства.

– А ни за чем. Ты просто есть, – ответила я, и это была почти правда. «Почти» – потому что на самом деле стоило ему тогда написать всего одно слово: *приезжай*, и я бросила бы всё – свой дом, семью, налаженный с таким трудом быт, работу, которой было отдано столько сил и лет, друзей, с которыми делила беды и радости всю свою жизнь – всё! Если не было бы другой возможности, я пошла бы пешком на другой конец страны...

Не написал. Когда я осторожно пыталась навести разговор на эту тему, давая понять, что хотела бы увидеть его края, он просто отвечал: да, у нас здесь хорошо, но только летом. Однажды, не вытерпев, я спросила: тебе всё равно – приеду я или нет? Ответ был: я этого не говорил.

Ни да, ни нет.

Это, наверное, правда, что мужчины любят глазами. Конечно, здесь имеется некоторое упрощение, но, так или иначе, факт имеет место, и я убеждалась в этом неоднократно. Даже самые умные и тонкие из вас инстинктивно реагируют на зрительный образ. Всё дело в том, что это за образ. И вовсе не обязательно это будет голливудский стандарт – это уже на вкус

и цвет. В глазах всех остальных ты можешь быть страшна как смертный грех, но для своего мужчины, пока он любит, будешь оставаться красавицей. Точнее, так: желанной. Потому что красавица для вас – это женщина желанная. И чтобы это желание возникло, чтобы оно сохраняло некоторый уровень постоянного напряжения, должен совпасть целый ряд условий.

Но неправда, что мужчины – существа примитивные. Вы всякие. Льва раздражают подобные обобщения, и он, пожалуй, прав: логически неверно распространять некий признак на весь класс на том основании, что он имеется у нескольких его представителей. Есть мужчины примитивные и есть сложные. Если кому-то попадают только примитивные, значит, причина в самой женщине – коктейль её собственных качеств таков, что притягивает определённый сорт мужчин. Но не хочу повторяться, об этом смотри выше. Мне попадают почти исключительно сложные. И это, скажу я тебе, та ещё загогулина! Но речь сейчас не обо мне – по крайней мере, не только и не столько обо мне.

Итак, мужчины. Примитивные или нет, вы всё же существа конкретные, а вот это уже медицинский факт. По правилам индукции, обобщение считается истинным, если рассмотрен весь класс и не нашлось ни одного противоречащего случая. Здесь мы имеем дело с открытой системой, состав элементов которой постоянно меняется, но без претензии на статус научного закона можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что вам необходимо видеть, обонять и осязать женщину, чтобы решить для себя вопрос: Она или не Она?

Мы другое дело. В своём воображении мы виртуозно достраиваем недостающие элементы системы. Сначала «она влюблялась в обманы и Ричардсона, и Руссо», а потом проецировала эти «обманы» на конкретного Онегина – и готово! У нас сначала идёт концепция, потом – эксперимент, у вас – ровно наоборот.

Не всегда наша теория выдерживает подтверждение практикой, но это вопрос опыта. Со временем, по мере, так сказать, накопления эмпирических данных, наши выводы обретают под собой реальную почву, и нам бывает достаточно одного-двух цифровых значений, чтобы решить уравнение с несколькими неизвестными. Отсюда и *незримый, ты мне был уж мил*: взглянув на любительский снимок не в фокусе, мы чаще всего уже знаем, как этот мужчина пахнет, движется, говорит, каков он на вкус и на ощупь. И это беда бедовая!

Впрочем, есть исключение: бабники. Это слово для меня окрашено положительно, потому что под ним я разумею мужчин, которые любят не секс и себя в сексе, а женщин как таковых. Любят именно потому, что знают и понимают. Бабник – мутация, мужчине не положено знать о нас столько, сколько знают они, и это не холодное умственное knowledge, а sense – чувственный опыт. Эмпатия, если угодно. Сопереживание. Вот почему Пушкин так чувствовал женщин – в отличие от эгоцентрика Лермонтова, тоже гениального, но совсем в другом роде. Его Тамара схематична, двухмерна и неубедительна, как персонаж комикса – в отличие от Демона, который достоверен в последних мелочах. Даже шлягер 80-х *плачет девушка в автомате, кутаясь в зябкое пальтецо* существенно достовернее Тамары! Бабники – это не про секс. Секс – только бонус в этих отношениях, приятный и запоминающийся, но вовсе не главный. Это упоительное и незабываемое ощущение себя любимой. Бабник, в отличие от... гм... спортсмена высших достижений, бескорыстен, для него постель не самоцель, и именно поэтому женщины всегда вспоминают о них с благодарностью. А генитальные упражнения мастеров эротического спорта не более чем суррогат, не слишком удачная попытка выдать количество за качество.

Я не уклоняюсь от темы, как это может показаться – это всё к тому, что Льва я знала целиком и сразу, вплоть до бытовых привычек.

Письмо 10. Несинхрон

Есть жёсткий несинхрон между опытом ума и опытом сердца. Точнее, так: как только достигаешь nirваны, или инсайта, или как бы там ни называлось состояние гармонии между тобой и миром, как вдруг выясняется, что это всего лишь пересадка на длинном маршруте. И

всё начинается по новой, тыходишь в очередной цикл, где тебя трясёт и болтает на длинных перегонах, и уже новые попутчики рассказывают тебе свои замысловатые – или совсем простые – истории, и ты меришь шагами стылый ночной перрон какой-нибудь Богом забытой станции во время нескончаемо долгой стоянки, и...

Есть вещи, которые осмыслить невозможно – только пережить. Будь ты хоть семи пядей во лбу, тебе это не поможет. Весь твой накопленный опыт оказывается просто бесполезен, потому что в происходящем с тобой нет никакой логики. По крайней мере, она неочевидна, потому что ты располагаешь ничтожно малыми данными – и, напротив, огромным числом переменных, и решение этой задачи превращается в нескончаемое и мучительное собирание кубика Рубика. Есть, конечно, люди, которые умеют его собирать, и даже на время, но тебе никак не удаётся нащупать этот алгоритм, и сколько бы ты ни крутила, но собрать удаётся в лучшем случае одну сторону из шести, при этом все остальные грани неизбежно распадаются.

Существует концепция, что личность – своего рода поле, которое намного обширнее физического тела. Оно состоит из наших знаний, интересов и желаний и соприкасается с другими полями, с интересами и желаниями других людей, и там, где они соприкасаются, возникает общая грань. Моделью чего может служить как раз кубик: в каждый данный момент все усилия сосредоточены на сборке одной стороны, и если ты всё сделал правильно, то она принимает определённую окраску. Ваши грани совпадают, и в этот момент ты видишь другого как отражённого себя: все квадраты одного цвета собрались в одном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.